

# Рецензии

ТИМОФЕЙ А. ДМИТРИЕВ<sup>1</sup>

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7476-0983

## Публичные интеллектуалы и Великая Тридцатилетняя война: Ральф Дарендорф в поисках «чистых эразмийцев»

Рецензия на книгу: Дарендорф Р. (2021) *Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний*, М.: Новое литературное обозрение

226

doi: 10.22394/2074-0492-2022-2-226-242

**П**роблема «интеллектуалы и тоталитарные соблазны XX века» дает поистине неисчерпаемый материал для дебатов, которые ведут между собой политики, ученые, интеллектуалы и журналисты. Недаром она приковала к себе внимание многих проницательных умов еще в первой половине прошлого века, что нашло свое отражение в работах и публикациях таких мыслителей, как Жюльен Бенда, Эрик Фёгелин, Раймон Арон, Фридрих фон Хайек и Ханна Арендт на Западе, и Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк,

1 Дмитрий Тимофей Александрович — кандидат философских наук, доцент факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: история политической философии Запада Нового и Новейшего времени, историческая социология модерна, культурно-историческая антропология. E-mail: [tdmitriev@hse.ru](mailto:tdmitriev@hse.ru)

Timofey A. Dmitriev — Associate Professor, HSE University, Faculty of Humanities, Moscow, Russia. Research interests: history of Western modern and contemporary political thought, historical sociology of modernity, cultural and historical anthropology. E-mail: [tdmitriev@hse.ru](mailto:tdmitriev@hse.ru)

П. Б. Струве и Г. П. Федотов — в России и в русской эмиграции. Окончание «холодной войны» не только не положило конец этой линии политико-полемической рефлексии, история которой насчитывает уже более ста лет, но лишь интенсифицировало ее. За последние тридцать лет были опубликованы десятки книг и сотни статей, посвященных данной проблематике. При всей пестроте и разнообразии представленных в данном потоке литературы взглядов и мнений ее авторов, как правило, объединяет понимание того, что уяснить значение драматических событий XX века и извлечь из них поучительные уроки можно лишь с учетом той роли, которую в этих событиях сыграли интеллектуалы левого и правого толка и поиски ими спасения при помощи политики и общества.

Ральф Дарендорф (1929–2009), крупный и даровитый европейский социолог и социальный теоретик второй половины XX века, был одним из тех мыслителей, которого необычайно сильно, особенно в последние десятилетия его жизни, занимал этот вопрос. Незадолго до своей кончины в 2008 году он публикует работу «Соблазны несвободы», которую специально посвящает подробному рассмотрению «вклада» интеллектуалов в катастрофы XX века.

Эта тема не новая для Дарендорфа. Совсем напротив, она является одним из лейтмотивов его политической и социальной мысли, начиная с размышлений об исторических судьбах либеральной демократии в Германии [Dahrendorf 1968] и заканчивая работами 1990-х годов, посвященных «бархатным революциям» конца 1980-х, положившими конец «реальному социализму» в странах Центральной и Восточной Европы [Дарендорф 1998] и осмыслению главных тенденций развития обществ позднего модерна на Западе в последние десятилетия XX века [Дарендорф 2002].

Место и время действия «Соблазнов несвободы» — это прежде всего Европа XX века. Главные герои (и антигерои) книги Дарендорфа — это ведущие европейские мыслители и интеллектуалы и их непростые взаимоотношения с тоталитарными соблазнами несвободы. Всех действующих лиц своего повествования Дарендорф делит на две большие группы — на тех, кто, подобно Мартину Хайдеггеру на «правом фланге» или Жану-Полю Сартру на «левом», поддался на эти «соблазны», сыграв тем самым роль «слепых поводырей слепых», и тех, кто остался к ним стойким. Последних Дарендорф называет «эразмийцами», считая фигуру крупнейшего гуманиста XVI века Эразма Роттердамского модельной для этой категории мыслителей и интеллектуалов, среди которых он особо высоко ценит троих — французского социолога и политического мыслителя Раймона Арона (1905–1983), философа Карла Поппера (1902–1994) и историка идей Исайю Берлина (1909–1997). Все они были активными участниками той «войны перьев», которая, как выразился тремя веками

ранее по поводу гражданской войны в Англии Томас Гоббс, нередко имеет обыкновение переходить в «войну мечей». Эту «войну перьев», очень быстро ставшую «войной мечей», Дарендорф в одной из своих работ назвал «Великой Тридцатилетней войной» (1914–1945) [Дарендорф 2002: 104], на смену которой затем пришла «холодная война» (1947–1991) [Дарендорф 2021: 147]. История этих двух взаимосвязанных войн описывается Дарендорфом в целом ряде публикаций как история «нелиберальной политики» и «предательства интеллектуалов»<sup>1</sup>. «Соблазны несвободы» в известном смысле выбиваются из этого ряда, поскольку в этой работе основное внимание Дарендорф уделяет европейским и англо-американским интеллектуалам, не поддавшимся этим соблазнам.

Говоря об интеллектуалах, Дарендорф подчеркивает, что это — «люди, воздействующие на других своим словом. Они говорят, спорят, полемизируют, но главное — они пишут». Поступая подобным образом, «они хотят, чтобы другие люди, как можно больше других людей, услышали или, еще лучше, прочитали то, что они считают нужным сказать. Их призвание — сопровождать происходящее критическими комментариями» [Дарендорф 2021: 32]. При этом среди интеллектуалов Дарендорфа интересуют в первую очередь те, кого он называет «публичными интеллектуалами». «Речь идет о людях, которые видят свое назначение в том, чтобы быть причастными к доминирующим публичным дискурсам своего времени: определять их тематику и влиять на их направление» [Дарендорф 2021: 33–34]. Несмотря на широко распространенные в современном мире представления об обратном, далеко не все люди, профессионально занимающиеся интеллектуальным трудом, являются «публичными интеллектуалами». Как подчеркивает Дарендорф, «к публичным интеллектуалам принадлежит не вся *интеллигенция*, не все *clerics* в понимании Жюльена Бенда, — иначе говоря, не все, кого сегодня называют представителями общества знания. Большинство профессоров, хотя они много читают и пишут, не принадлежат к публичным интеллектуалам» [Дарендорф 2021: 34]. Особенно интересуют Дарендорфа публичные интеллектуалы, социально значимая функция которых состояла в том, чтобы в определенные, переломные моменты времени «несомненным и памятным для всех обра-

1 Еще в своей книге «Современный социальный конфликт» (1994, рус. пер. — 2002), написанной сразу после окончания «холодной войны», Дарендорф отмечал, что «история Второй Тридцатилетней войны — в равной мере история нелиберальной политики и интеллектуального предательства. Сама революционная иллюзия уже являлась формой предательства интеллигенции. Чрезмерные надежды и утопии мостят дорогу идеологии и тирании» [Дарендорф 2002: 110].

зом привести в движение, встряхнуть тогдашнее общество» [Дарендорф 2021: 35].

К этим релевантным характеристикам интеллектуалов Дарендорф добавляет еще две, заимствованные из классических теорий интеллектуалов XX века. Первая из них принадлежит немецкому социологу Карлу Мангейму, который подчеркивал, что «интеллектуалы — это люди, не связанные особым положением в обществе, они “свободно парят” над ним и потому охватывают взглядом панораму, которую не могут видеть другие» [Дарендорф 2021: 32]. Вторая — австрийскому экономисту Йозефу Алоизу Шumpетеру, отмечавшему «способность интеллектуалов критически оценивать сложившиеся общественные отношения, включая отношения внутри их собственной группы» [Дарендорф 2021: 32-33].

Значение интеллектуалов и их влияние на политическую и культурную жизнь особенно возрастает в переломные и кризисные для общества эпохи. Дарендорф формулирует эту мысль так: «Во времена испытаний интеллектуалы определенного типа более других влияют на ход событий» [Дарендорф 2021: 33]. А это в свою очередь означает, что «звездный час интеллектуалов — время глубоких социальных потрясений» [Дарендорф 2021: 35]. Именно на такие потрясения был особенно богат XX век, свидетельством чему служат переломные моменты его истории — 1914, 1917, 1933, 1939, 1945, 1968 и 1989 годы. В известном смысле можно сказать, не сильно погрешив против исторической истины, что XX век — это век интеллектуалов, отмеченный их непростыми отношениями с тоталитарными «соблазнами несвободы». «Какие личные качества позволяют человеку даже в неблагоприятных обстоятельствах не отказываться от защиты идей, лежащих в основе либерального порядка? Кто остается тверд, когда большинство проявляет слабость? Можно сказать, что предмет моего исследования — этика свободы» [Дарендорф 2021: 15], — в такую итоговую формулировку облачает Дарендорф интересующую его проблему.

Главными соблазнами XX века Дарендорф считает соблазны, спровоцированные фашизмом и коммунизмом. Эти два политических движения роднило друг с другом прежде всего то, что оба они представляли собой особые формы «соблазна несвободы». «Наиболее тяжелым испытаниям в XX в., — пишет Дарендорф, — человечество подвергли фашизм, в первую очередь немецкий национал-социализм, и коммунизм, особенно российско-советский коммунизм, или большевизм» [Дарендорф 2021: 38].

В своем исследовании Дарендорф выделяет три группы факторов, или «три основных слагаемых соблазна» [Дарендорф 2021: 39], которые сделали фашизм «идеологией настоящего» [Дарендорф 2021: 51],

обеспечив ему популярность в глазах многих немецких и европейских интеллектуалов.

Во-первых, национал-социализм сделал ставку на обеспечение единства немецкого общества как расовой общности. Тем самым он давал массам и особенно интеллектуалам то «чувство единства», которого, как они считали, так остро не хватало немецкому обществу времен Веймарской республики (1919–1933). Обещая утвердить новые формы солидарности, национал-социализм добивался тем самым популярности у многих, «вне зависимости от того, насколько атомизированными и потерянными они себя чувствовали прежде». В то же самое время это «чувство сплоченности внушалось и “тотальной мобилизацией”, организацией масс, гигантоманскими парадами и постановками Альфреда Шпеера» [Дарендорф 2021: 42]. Особым соблазном для интеллектуалов было еще и то, что им нравились «как культурный пессимизм немецкой традиции («Рембрандтовский» немец), так и эстетизированные видения тотального порядка («Рабочий»)» [Дарендорф 2021: 42]<sup>1</sup>.

230

Вторым соблазном, исходившим от фашизма, было наличие вождя, наделенного личной харизмой. По словам Дарендорфа, «любой вариант фашизма непредставим без дуче, каудильо или фюрера. Легко заметить, что ни одна из версий подобного строя не предполагала решения вопроса о преемнике; придумать такое решение было попросту невозможно. В этом одно из отличий фашизма от коммунизма» [Дарендорф 2021: 42].

1 Предложенный в русском издании перевод — «Рембрандтовский» немец — является неточным и скорее сбивает с толку неискушенного читателя. В действительности Дарендорф имеет здесь в виду Юлиуса Лангбена (1851–1907), немецкого художника и публициста националистического толка, автора нашумевшей в свое время статьи «Рембрандт как воспитатель» («Rembrandt als Erzieher», опубликована анонимно в 1890 г.) [<Langbehn> 1890]. В ней Лангбен характеризует живопись Рембрандта как истинное выражение не только голландского, но и германского и нордического начала. Определяя немцев как народ-индивидуалист, Лангбен доказывает, что духовным вождем его может служить только «самый индивидуальный из немецких художников», а таковым и является Рембрандт, которому на этом основании автор присваивает звание «самого немецкого» из немецких художников [<Langbehn> 1890: 8–9]. Статья за короткий срок выдержала порядка 40 изданий, а Лангбен, в свою очередь, получил почетное прозвище Рембрандт-немец (Rembrandtdeutsche), скорее всего, потому, что его анонимно опубликованная статья о Рембрандте имела подзаголовок «Vom einem Deutschen» В свою очередь, под «Рабочим» имеется в виду известное сочинение немецкого писателя и философа Эрнста Юнгера «Рабочий. Господство и гештальт» (1932) [Юнгер 2000].

Наконец, важное значение имел элемент «трансфигурации», благодаря которому национал-социализм превращается в разновидность «эрзац-религии», обещающей нации чудесное преображение. «Само понятие “харизматический вождь” указывает на его религиозные корни. В Гитлере видели “спасителя”, творящего “чудо”, и сам он охотно ссылаясь на “провидение”, во имя которого действовал» [Дарендорф 2021: 44-45]. Понятие «нации» в его нацистском истолковании оказалось особенно пригодным для осуществления подобной трансфигурации. «Фашисты, в отличие от демократов, провозгласили целью своей политики не стремление к индивидуальному счастью, а национальное величие» [Дарендорф 2021: 45]. При этом «идея преображения нации — или расы — приводит, как нетрудно убедиться, к возникновению суррогатной религии, но не к преображению как таковому» [Дарендорф 2021: 46].

Если фашизм привлекал интеллектуалов чувством сплоченности на национально-расовой почве и наличием вождя, наделенного личной харизмой, то коммунизм брал не только чувством сплоченности, основанным, правда, на классовой подкладке, но и обещанием светлого будущего. По мнению Дарендорфа, «наличие вождя, которым, среди прочего, соблазнял фашизм, в коммунизме замещает более абстрактная, более стойкая сила истории, и прежде всего — сила надежды. Фашизм был идеологией настоящего, коммунизм — идеологией будущего» [Дарендорф 2021: 51].

Обещание светлого будущего дополняется в коммунизме XX века детерминистской гарантией в виде «истории» или «исторического процесса», движущего человечество в правильном направлении и, по сути, заменяющего в символе веры правоверного коммуниста божественное провидение. «Идеальное, прекрасное общество непременно будет создано, поскольку этого хочет история. Перед нами Марксова “историческая неизбежность” в ее наиболее brutальной версии» [Дарендорф 2021: 51-52]. Волюнтаристской гарантией неизбежности грядущей победы коммунизма при этом выступает деятельность партии нового типа, состоящей из профессиональных революционных виртуозов. Религия, пусть даже и суррогатная, нуждается в церкви, чтобы сделать действенной социальную связь, сплачивающую людей в религиозную общность. «Коммунизм имел соответствующую организацию в виде партии. Если фашизм обещал создать мир, в котором будут восстановлены и ясно оформлены древние связи, рожденные кровью и почвой, то коммунизм предлагал определенную связь здесь и теперь — с предельно взыскательной партией, требующей практически безоговорочного, тотального подчинения» [Дарендорф 2021: 53].

В итоге сравнительного сопоставления фашизма и коммунизма Дарендорф приходит к выводу, что «сплоченность, наличие вождя

и идея преобразования были отличительными признаками фашизма; сплоченность, надежда на будущее и идея преобразования — отличительными признаками коммунизма» [Дарендорф 2021: 58].

Для того чтобы противостоять этим соблазнам, нужны были люди особого духовного склада, обладающие добродетелями свободы, дающими иммунитет к соблазнам несвободы. Идеально-типичский портрет публичного интеллектуала, не поддающегося таким соблазнам, Дарендорф в своей книге рисует широкими мазками, причем в основу его этоса он кладет четыре кардинальные добродетели: «способность не отклоняться от избранного курса даже в тех случаях, когда остаешься в одиночестве; готовность жить в человеческом мире с его противоречиями и конфликтами; внутренняя дисциплина равнодушного наблюдателя, который не позволяет себя политически ассимилировать; страстная преданность разуму как орудию познания и действия. Все это — добродетели, кардинальные добродетели свободы» [Дарендорф 2021: 116].

Тем не менее у этого идеально-типичского портрета были свои реальные прообразы, как в XX веке, так и в прежние эпохи. Трем носителям кардинальных добродетелей свободы в лице уже упомянутых выше Арона, Поппера и Берлина Дарендорф находит великого предшественника в лице Эразма Роттердамского (1466/1469–1536). Почему на роль модельной фигуры публичного интеллектуала модерна Дарендорф выбирает именно Эразма? Возможно, этот выбор обусловлен его убеждением в том, что от других социально-профессиональных группировок современного общества интеллектуалов отличает «разрыв со своей собственной — географической или социальной — средой происхождения» [Dahrendorf 1961: 195]. В таком случае именно фигура Эразма — незаконнорожденного сына священника и дочери врача, выросшего и возмужавшего вне семейной среды в школах, созданных движением «нового благочестия» (*devotio moderna*), и владевшего латынью намного лучше своего родного голландского языка, идеально подходит на эту роль. При этом те черты характера и творческого пути Эразма, которые Дарендорф ставит во главу угла в своей работе, сильно отличаются от тех, что стоят в фокусе традиционной историографии, которая в лице своих лучших представителей характеризует духовный склад Эразма как «по сути совершенно гуманистический» [Хейзинга 2009: 222]<sup>1</sup>.

1 В данном случае примечательно то, что в фигуре и складе ума Эразма Роттердамского Дарендорфа привлекают прежде всего те черты, на которые критически смотрел Йохан Хейзинга (1872–1945) — известный голландский историк и автор классической биографии Эразма. В этой работе Хейзинга отмечает «отчуждение от своей страны», бывшее характерной чертой позиции Эразма Роттердамского. Он также ставит в упрек герою своего жизне-

Напротив, по оценке Дарендорфа, Эразм прежде всего был «ранним представителем современного либерального образа мыслей. Поэтому он, со всеми его слабостями, и приведен нами в качестве образца» [Дарендорф 2021: 127]. С этой точки зрения мысль и дело Эразма прекрасно иллюстрируют потребность интеллектуала в независимости, отвечающую либеральному складу мыслей. «Без сомнения, — пишет Дарендорф, — Эразм сохранял готовность и, если требовалось, был в состоянии вести поиски истины в одиночку, следуя лишь своему внутреннему компасу. Он был в высшей степени одиноким интеллектуальным борцом» [Дарендорф 2021: 126].

«Публичных интеллектуалов», по своему духовному складу подобных Эразму, Дарендорф называет «эразмийцами». Кто такие эти «эразмийцы»? «Это, говоря попросту, люди, обладающие, как Эразм, добродетелями свободы. Это публичные интеллектуалы, противостоящие, каждый в свое время, соблазнам несвободы. Как следствие, они олицетворяют либеральный образ мыслей — или, иными словами, внутреннюю установку, для которой характерны рассмотренные нами кардинальные добродетели. Но всего важнее то, что эти интеллектуалы отстаивают свое понимание свободы, выраженное четко и в то же время ярко» [Дарендорф 2021: 128-129]. Под «свободой» Дарендорф вслед за Исайей Берлином понимает право людей на свободное распоряжение своей жизнью [Берлин 1992: 232-302]. По отзыву Дарендорфа, «эразмийцы, по самой своей сути, — одинокие бойцы; если бы они, не любившие партийности, образовали партию, то, наверное, ослабили бы свои позиции. Поэтому мы говорим лишь о некотором числе, самое большее — о некоторой категории интеллектуалов, которых можно назвать эразмийцами» [Дарендорф 2021: 130].

При этом под «эразмийцами» Дарендорф имеет виду не только Арна, Поппера и Берлина, но более широкий круг, включающий также Ханну Арендт (1906–1975) и Норберто Боббио (1909–2004), а также некоторых других европейских интеллектуалов. Помимо пятерых перечисленных выше мыслителей, Дарендорф поименно упоминает еще пятерых — писателей и публицистов Артура Кёстлера (1905–1983), Манеса Шпербера (1905–1984), Стивена Спендера (1909–1995) и Джорджа Оруэлла (1903–1950), а также философа Теодора В. Адорно (1903–1969). В итоге получается список из десяти публичных интеллектуалов, чьи поступки, добродетели и пороки

---

описания еще и то, что тот изъяснялся по-латыни «лучше, чем на своем родном языке», и прямо говорит о том, что у Эразма никогда не было «ощущения, что чувствовать себя дома и выразить себя можно в конечном счете лишь среди соотечественников», что в итоге «привязывает большинство смертных к их родине» [Хейзинга 2009: 255].

Дарендорф считает необходимым рассмотреть критически. По его словам, выражение «рассмотреть критически» означает, что «эти интеллектуалы будут помещены нами на испытательный стенд эпохи. Все они родились в первом десятилетии XX века. А значит, соблазны эпохи, отношение к которым служит для них мерилom, — это соблазны тоталитаризма. Естественно, клуб эразмийцев этим десятком не исчерпывается. В дальнейшем мы включим в него другие имена, некоторые — безоговорочно, некоторые с ограничениями» [Дарендорф 2021: 137].

Иными словами, когорта тех, кто не поддался соблазнам несвободы, внутренне неоднородна. В ней можно встретить как «чистых эразмийцев», так и тех, кто время от времени сбивался с «правильного» пути и чье поведение внушало поэтому сомнения. Для таких переходных случаев Дарендорф выделяет ряд типов, требующих особого анализа, таких как «приспособленец», «внутренний эмигрант», «перебежчик». При этом цель его размышлений остается прежней: увидеть «за всеми различиями жизненного пути и личного темперамента публичных интеллектуалов определенные способы поведения, делающие их невосприимчивыми к соблазнам несвободы» [Дарендорф 2021: 138].

Правда, Дарендорф не дает каких-либо объективных критериев причисления публичных интеллектуалов к «эразмийцам», за исключением одного соображения самого общего толка, согласно которому «эразмийцами они могут быть признаны лишь в том случае, если выдерживают испытания эпохи» [Дарендорф 2021: 138]. Нечего и говорить, что «испытания эпохи» при этом понимаются исключительно как способность противостоять «тоталитарным соблазнам» национал-социализма (с добавлением сюда итальянского фашизма) и коммунизма. Такое толкование «испытаний эпохи» носит, к сожалению, чересчур избирательный характер, чтобы его можно было широко использовать для анализа истории публичных интеллектуалов XX века.

Поэтому, когда речь идет об исключениях из данного необычайно общего правила, Дарендорф вынужден в каждом конкретном случае специально оговариваться, почему тот или иной мыслитель XX века не может быть безоговорочно причислен к когорте «эразмийцев». «Чистыми эразмийцами» Дарендорф считает только Арона, Поппера и Берлина. Остальных философов, мыслителей и писателей, о которых он упоминает в своей книге, можно причислить к «эразмийцам» лишь с теми или иными оговорками.

Про Ханну Арендт Дарендорф пишет, что ей нелегко давалась позиция равнодушного наблюдателя. По его оценке, Арендт «была бы рада ограничиваться ролью наблюдателя, но не смогла справиться с желанием примкнуть к одной из сторон» [Дарендорф 2021: 132].

Для нее одинаково были важны разум и страсть, но они не находили в ней примирения.

Уроженец Турина, специалист по философии права и крупнейший итальянский политический мыслитель второй половины XX века Норберто Боббио, который вырос в Италии при фашистском режиме Муссолини, как и подобает эразмийцу, «оказывал влияние на ход событий своими многочисленными книгами, а в более позднее время — еще и газетными статьями, разного рода публичными высказываниями» [Дарендорф 2021: 135]. Его принадлежность к эразмийцам не вызывает сомнений, — подчеркивает Дарендорф. Тем не менее к «чистым эразмийцам» его можно отнести лишь с большой натяжкой, не только вследствие попыток найти общий язык с фашистским режимом в середине 1930-х годов, но и из-за явно выраженных симпатий к коммунизму и попыток соединить социалистическую идею с либерализмом.

Немецкий философ-неомарксист и теоретик Франкфуртской школы Теодор Визенгрунд Адорно, по мнению Дарендорфа, принадлежал к тем мыслителям, «кто не устоял при первом же дуновении соблазнов несвободы» [Дарендорф 2021: 137]. Писателей Артура Кёстлера и Манеса Шпербера Дарендорф относит к категории «переметчиков», которые только после своего разрыва с коммунизмом зарекомендовали себя последовательными эразмийцами. Немецкого политического ученого Теодора Эшенбурга (1904–1999), после Второй мировой войны — профессора и ректора Тюбингенского университета, заслужившего в те же годы почетное звание «Наставник Германии» («Praeceptor Germaniae»), по небеспристрастному отзыву Дарендорфа, можно «считать эразмийцем лишь с оговорками» [Дарендорф 2021: 158]. Главное, чего ему не доставало — это «характерного для либералов понимания того, что жизнь неотделима от противоречий» [Дарендорф 2021: 159]. Впрочем, Дарендорф тут же оговаривается, что это был простительный грех, поскольку «приспособленчество без участия в делах режима, но и без активного сопротивления — обычное поведение публичного интеллектуала в условиях фашизма. Такой интеллектуал настроен против властей, однако скрывает свои чувства, ведет себя аполитично и соглашается на уступки — не слишком серьезные и, самое важное, не причиняющие вреда другим людям. После войны схожий тип поведения был широко распространен в странах, которые подмял коммунизм» [Дарендорф 2021: 159–160].

Итогом такого подхода становится мозаичная и откровенно субъективная картина, в которой твердо расставлены если не все, то многие точки над «и», но которая, в свою очередь, упускает из виду множество важных сюжетов и обстоятельств. Возможно, стараясь нарисовать такую пеструю, местами — даже фрагментарную — и бо-

гату ю нюансами картину, Дарендорф пытался уйти от той однозначно жесткой оценки роли публичных интеллектуалов, которую он дал в своей книге «Размышления о революции в Европе», написанной по горячим следам «бархатных революций» в Восточной и Центральной Европе на рубеже 1980-х и 1990-х годов [Дарендорф 1998 (1990)]. В ней он прямо говорит о западных интеллектуалах как об одних из главных виновников многочисленных катастроф и провалов XX века. Их влияние в этом столетии было обусловлено целым рядом причин, некоторые из них Дарендорф характеризует довольно подробно. «Во-первых, — пишет он, — интеллектуалы решительно отвергали существующие условия как внутренне прогнившие и неспособные к реформированию. Во-вторых, они более или менее детально разработали концепцию тотально иного мира, побеждающего болезни реальности. И в-третьих, они были твердо убеждены в своих отрицаниях и своих концепциях. Отчуждение, утопия и догматизм — не очень привлекательная триада, хотя именно она вполне естественно ведет не к социал-демократическим версиям социализма» [Дарендорф 1998 (1990): 221]. Критикуя радикально настроенных публичных интеллектуалов прошлого века как социальных носителей троякого синдрома отчуждения, утопизма и догматизма, Дарендорф высказывает здесь довольно радикальную гипотезу, согласно которой европейские интеллектуалы в качестве публичных интеллектуалов не переживут крушения «реального социализма» [Дарендорф 1998 (1990): 221].

236

Правда, эти нелицеприятные оценки Дарендорф несколько смягчает в опубликованной в 1994 году работе «Современный социальный конфликт». Здесь, повторяя свои упреки в адрес интеллектуалов за их податливость к «тоталитарным соблазнам» века, он в то же самое время отмечает, что «интеллектуалы по-прежнему остаются сейсмографами социального изменения, а иногда вдобавок являются его ферментами или, по крайней мере, катализаторами. Интеллектуалам принадлежит важное место при любом либеральном разрешении проблемы мировой политики, ибо они переводят интересы социальных движений на язык тех, кто принимает решения, разъясняют принимаемые решения общественности и при этом сохраняют дистанцию, не приближаясь вплотную ни к вождям и бюрократам, ни к народным интересам» [Дарендорф 2002 (1994): 109].

В исследовании 1994 года сохранение влияния публичных интеллектуалов на политические, социальные и культурные процессы современности Дарендорф с социально-структурной точки зрения объясняет тем, что причины, которыми было обусловлено это влияние в прошлом веке, во многом продолжают действовать и поныне, на что, в частности, указывает существование бюрократи-

зированной интеллигенции в университетах, а также та активная роль, которую публичные интеллектуалы играют сегодня в средствах массовой информации. Эта же линия на смягчение оценок их будущего в современном мире прослеживается и в «Соблазнах несвободы».

Помимо всего прочего, в этой последней работе Дарендорфа бросается в глаза то, что в целом ряде случаев он весьма вольно обращается с историческими фактами, вероятно, потому, что они плохо укладываются в предложенную им концепцию. Выше уже говорилось о том, что образ Эразма Роттердамского, который Дарендорф рисует в своей книге, далек от канонического, известного нам из традиционной историографии. О Данте изумленный читатель узнает, что «он был вынужден удалиться в изгнание» потому, что «власть в его родной Флоренции захватили гибеллины» [Дарендорф 2021: 194], тогда как в бессрочное изгнание великого поэта-флорентинца отправили «черные гвельфы» — сторонники папы, — в то время как «белых гвельфов», к которым принадлежал сам Данте, как раз и подозревали в симпатиях к императорам Священной Римской империи. Ханну Арендт Дарендорф упрекает в том, что она приветствовала студенческие протесты конца 1960-х [Дарендорф 2021: 278], но при этом — то ли по неведению, то ли намеренно — забывает упомянуть о том, что среди философов XX века, выступавших в роли публичных интеллектуалов, Арендт была одной из самых последовательных противниц политизации университетов [Baehr 2020].

237

Рисуемая Дарендорфом картина Англии как «эразмийской страны», где «даже публичных интеллектуалов... не тревожат соблазны, способные оживить эразмийские добродетели» [Дарендорф 2021: 229], также всего-навсего выдает желаемое за действительное. Помимо всего прочего, она не способна ответить на вопрос о том, что заставляло молодых людей из числа блестящих английских аристократов — так называемую «кембриджскую пятерку» — добровольно работать в 1940–1950-е годы на советскую разведку<sup>1</sup>. Равно как не способна такая приглашенная картина объяснить и симпатии многих видных представителей английской аристократии, не исключая и членов королевского дома Виндзоров, к Гитлеру и немецкому на-

1 «Кембриджская пятерка» — обобщенное название советской разведсети в Великобритании 1940-х — начала 1960-х годов, основу которой составили пять завербованных сотрудниками советской нелегальной резидентуры в Лондоне в 1934–1937 годах блестящих выпускников Кембриджского университета, работавших впоследствии в важнейших британских государственных учреждениях, — Ким Филби, Дональд Маклин, Гай Бёрджесс, Энтони Блант и Джон Кернкросс.

ционал-социализму<sup>1</sup>. Впрочем, о «кембриджской пятерке» в своей книге Дарендорф вообще не вспоминает, что и неудивительно при его точке зрения на проблему.

Стоит заметить, что слабым местом размышлений Дарендорфа является и прямолинейное отождествление им национал-социализма и фашизма, которое сильно отдаёт полемико-публицистическим пафосом, достойным лучшего применения, и давно уже не пользуется научной респектабельностью у многих современных исследователей данного вопроса<sup>2</sup>. Постоянно ставя знак равенства между немецким национал-социализмом и итальянским фашизмом, Дарендорф совершает тем самым ошибку, непростительную для маститого социолога. Ведь если, как он сам признает, шансы на свержение Гитлера в результате заговора немецкой консервативной оппозиции 20 июля 1944 года были ничтожно малы, и крушение нацизма стало результатом поражения в войне [Дарендорф 2021: 286], а нацистский и фашистский режимы — типологически близки до неразличимости — то необъяснимым становится смещение вождя итальянского фашизма Бенито Муссолини на заседании Большого фашистского совета в ночь с 24 на 25 июля 1943 года и его последующий арест по приказу короля, повлекший за собой крушение фашистского режима в Италии. То же самое касается и довольно быстрого демонтажа франкистской диктатуры в Испании после смерти в 1975 году ее каудильо Франсиско Франко. При желании список подобных спорных выводов и интерпретаций можно было бы множить и множить.

Своей кульминации эта череда несообразностей в каком-то смысле достигает в 17 главе под характерным названием «Эразмийцы — не борцы сопротивления». Противопоставляя эразмийцев борцам немецкого Сопротивления против гитлеровского режима, Дарендорф заявляет, что сопротивление нуждается в «людях, наделенных характером мучеников и святых» [Дарендорф 2021: 191], тогда как реальный характер людей, вступивших в борьбу с национал-социализмом, был довольно далек от этого иконописного образа. Начать следует с того, что среди тех, кто активно боролся с режимом, было очень мало либералов, и Дарендорф вынужден признать это. Первоначально сопротивляться пытались в основном коммунисты и социал-демократы, но затем основную тяжесть борьбы с режимом

1 Дарендорф пишет в этой связи о нацистских симпатиях сестер из аристократического семейства Митфорд, одна из которых, Диана, даже вышла замуж за вождя английских фашистов Освальда Мосли, но при этом пытается представить «случай сестер Митфорд» как скорее исключение из правил [Дарендорф 2021: 233-237].

2 См. об этом, в частности [Джентиле 2022].

приняли на себя консервативные круги немецкого общества, в которых преобладали выходцы из аристократических и буржуазных слоев. Его ядро составляли такие видные представители немецкой аристократии и чиновничества, как «полковник Клаус фон Штауффенберг, прусский чиновник Карл Герделер, дипломат Ульрих фон Хассель, генерал Людвиг фон Бек, адмирал Вильгельм Канарис. В качестве образца Сопротивления общественным мнением был легитимирован также кружок прусского аристократа, графа Гельмута фон Мольтке. В этот кружок входили социал-демократы Теодор Хаубах, Альберт Рейхсвайн, а также иезуитский священник Адольф Делп и протестант Эрнст Герстенмайер» [Пленков 2017: 623].

Описывая немецких консервативных бойцов Сопротивления, Дарендорф невольно становится жертвой «конфликта интерпретаций», характерного для историографии двух немецких государств — ГДР и ФРГ — в годы «холодной войны». Если историки в ГДР считали, что настоящее Сопротивление нацистам оказывали только немецкие коммунисты, а все остальные оппозиционные группировки имели второстепенное значение, то историки из ФРГ ставили во главу угла именно консервативно-аристократическую оппозицию режиму, а на коммунистов смотрели откровенно косо как на «изменников» и «агентов Кремля». По сути дела, Дарендорф в своем описании немецкого Сопротивления движется по этой давно наезженной, но вызывающей у современных исследователей множество вопросов старой колее западногерманской историографии. Так, о социал-демократах как противниках режима Дарендорф упоминает лишь мимоходом, а его персональной похвалы удостоивается только эльзасский социал-демократ Юлиус Лебер (1891–1945), казненный за участие в заговоре против Гитлера [Дарендорф 2021: 190]. О коммунистах в немецком Сопротивлении Дарендорф не упоминает даже мельком, вероятно, потому, что по его логике они, как и национал-социалисты, были носителями «тоталитарного соблазна», а потому их ролью в немецком Сопротивлении можно пренебречь.

Безусловно, руководители консервативной оппозиции гитлеровскому режиму были мужественными людьми, готовыми пожертвовать своей собственной жизнью и благополучием своих родных и близких ради спасения Германии. Более того, они дорого заплатили за свою принципиальную политическую позицию. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года «было арестовано и казнено около 200 человек, среди них 19 генералов, 26 полковников и подполковников, два посла, семь дипломатов, один министр, три государственных секретаря, шеф уголовной полиции, несколько обер-президентов, полицей-президентов, регирунгс-президентов» [Пленков 2017: 645].

Тем не менее актуальные исследования немецкой истории времен Третьего рейха ясно демонстрируют, что главной причиной оппозиции этих кругов было не неприятие бесчеловечного характера гитлеровского режима, но скорее опасения национально-патриотического толка по поводу того, что его внешняя политика приведет немецкое национальное государство к гибели, а немецкую нацию — к исторической катастрофе, второй за историю XX века (после поражения в Первой мировой войне в 1918 году). Более того, в современной историографии довольно широко распространена точка зрения, согласно которой «большая часть людей Сопrotивления относилась к дворянству и крупной буржуазии, т.е. это были люди, не имевшие каких-либо связей и корней в простом народе. Их бунт был отчаянным и смелым поступком, но это был всего лишь последний бой представителей сословий, которые практически сошли со сцены, поэтому им нечего было противопоставить нацистской преступной энергии, динамике и хитрости» [Пленков 2017: 651-652]. В первые годы существования нацистского режима и в годы Второй мировой войны — вплоть до военных кампаний 1943/44 года, когда на горизонте ясно маячила угроза надвигающейся военной катастрофы, — одни из них, как полковник Клаус фон Штауффенберг или начальник армейской разведки адмирал Канарис — верой и правдой служили режиму, а другие пытались найти с ним по крайней мере общий язык либо довольствовались позой «внутренних эмигрантов»<sup>1</sup>. Все эти обстоятельства, вместе взятые, дают нам намного более сложную, дифференцированную и далекую от идеализаций, сделанных постфактум, картину немецкого Сопrotивления, нежели та, что предлагает в своей работе Дарендорф.

В заключение еще раз отметим, что тема публичных интеллектуалов и их места в современном обществе является одной из сквозных в социологическом поиске и политической публицистике такого крупного западного мыслителя XX века, каким, безусловно, был Ральф Дарендорф. Возможно, что именно потому, что, начав писать об интеллектуалах, прежде всего немецких и шире — западных — и их роли в политической и культурной истории XX века в 1960-е годы, он неоднократно возвращался к этой теме в своих более поздних работах, по-иному расставляя акценты и рассматривая зачатку одни и те же сюжеты с разных точек зрения, его итоговое ис-

1 Понятие «внутренняя эмиграция» обязано своим появлением послевоенным (после 1945 года) дискуссиям о «немецкой вине». Оно возникло в публичных дебатах между немецкими писателями Томасом Манном и Франком Тиссом.

следование на данную тему получилось столь сумбурным и в ряде своих констатаций и оценок — малоубедительным. Насколько Ральфу Дарендорфу в своей последней книге на эту тему удалось свести концы с концами, подводя баланс роли публичных интеллектуалов в прошлом веке, — судить читателю.

## Библиография / References

Берлин И. (1992) Две концепции свободы. И. Берлин. *Четыре эссе о свободе*, Л.: Overseas Publications Interchange: 232-302.

Berlin I. (1992) Two Concepts of Liberty. I. Berlin. *Four Essays on Liberty*, L.: Overseas Publications Interchange: 232-302. — In Russ.

Дарендорф Р. (1998 [1990]) Размышления о революции в Европе. Р. Дарендорф. *После 1989. Мораль, революция и гражданское общество; Размышления о революции в Европе*, М.: Ad Marginem: 183-271.

— Dahrendorf R. (1998 [1990]) Reflections on the Revolutions in Europe. R. Dahrendorf. *After 1989. Morals, Revolution and Civil Society; Reflections on the Revolutions in Europe*, Moscow: Ad Marginem: 183-271. — In Russ.

Дарендорф Р. (2002 [1994]) *Современный социальный конфликт*, М.: РОССПЭН.

— Dahrendorf R. (2002 [1994]) *Modern Social Conflict*, Moscow: ROSSPEN. — In Russ.

Джентиле Э. (2022) *Фашизм. История и истолкование*, СПб.: Владимир Даль.

— Gentile E. (2022) *Fascism. History and Interpretation*, St. Petersburg: Vladimir Dal'. — In Russ.

Пленков О. Ю. (2017) *Государство и общество в Третьем рейхе: Реальность диктатуры*, СПб.: Владимир Даль.

— Plenkov O. Y. (2017) *State and Society under the Third Reich: The Reality of Dictatorship*, St. Petersburg: Vladimir Dal'. — In Russ.

Хейзинга Й. (2009) Эразм. Й. Хейзинга. Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха: 203-446.

— Huizinga J. Erasmus. J. Huizinga. *Culture of the Netherlands in the XVII century. Erasmus. Selected letters. Drawings*, St. Petersburg: Publishing house of Ivan Limbach: 203-446. — In Russ.

Юнгер Э. (2000 [1932]) Рабочий. Господство и гештальт. Э. Юнгер. *Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли*, СПб.: Наука: 55-440.

— Junger E. Worker. Domination and Gestalt. E. Junger. *Worker. Domination and Gestalt; Total mobilization; On pain*, St. Petersburg: Science, 55-440. — In Russ.

Baehr P. (2020) Education: Arendt against the Politization of University. P. Gratton, Y. Sari (eds). *The Bloomsbury Companion to Arendt*, L.; N. Y.: Bloomsbury Academic: 565-575.

Dahrendorf R. (1961) *Gesellschaft und Freiheit*, München: Piper.

Dahrendorf R. (1968) *Gesellschaft und Demokratie in Deutschland*, München: Piper.

[Langbehn J.] (1890) *Rembrandt als Erzieher. Von einem Deutschen*, Leipzig: Hirschfeld.

**Рекомендация для цитирования:**

Дмитриев Т. А. (2022) Публичные интеллектуалы и Великая Тридцатилетняя война: Ральф Дарендорф в поисках «чистых эразмийцев». Рецензия на книгу: Дарендорф Р. (2021) Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний, М.: Новое литературное обозрение. *Социология власти*, 34 (2): 226-242.

**For citations:**

Dmitriev T. A. (2022) Public Intellectuals and the Great Thirty Years' War: Ralf Dahrendorf in Search of "Pure Erasmians". Book Review: Dahrendorf R. (2021) The Temptations of Unfreedom. Intellectuals in Times of Trials, Moscow: New Literary Review. *Sociology of Power*, 34 (2): 226-242.

Поступила в редакцию: 19.06.2022; принята в печать: 26.06.2022

Received: 19.06.2022; Accepted for publication: 26.06.2022